

© 1999 г.

А.В. МОЗГОВАЯ

**ЭКОЛОГИЧЕСКИ УСТОЙЧИВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ:
ФАКТОРЫ СТАНОВЛЕНИЯ**

МОЗГОВАЯ Алла Викторовна - ведущий научный сотрудник Института социологии РАН, кандидат философских наук.

В большинстве промышленно развитых стран мира сегодня интенсивно разрабатывается концепция экологически устойчивого экономического развития (ecologically sustainable economic development).

Понятие устойчивого развития берет свое начало от идеи "установившийся экономики" (steady - state economy), предложенной еще в начале 70-х годов. Эта концепция получила развитие в известном докладе Международной комиссии по окружающей среде и развитию под председательством Гру Харлем Брунтланд, опубликованном в 1987 г. [1]. Наиболее полное отражение концепция устойчивого развития нашла в Декларации конференции Организации Объединенных Наций по окружающей среде и развитию, проходившей в Рио-де-Жанейро в июне 1992 г. и собравшей представителей 179 государств. Основа Программы, разработанной на Конференции, — гармоничное достижение двух целей: *высокого качества окружающей среды и здоровой экономики*, экономического развития, безопасного для окружающей среды [2; 3].

Концепция устойчивого развития многоаспектна, однако, основной ее принцип состоит в признании необходимости соотносить с природными возможностями планеты темпы роста и направления развития экономики. Задача состоит в том, чтобы преобразовать заявленные принципы в конкретные социальные, экономические, технологические программы и проекты и совершить переход к *устойчивым формам развития, образу и качеству жизни*. Эффективность и реализуемость национальных стратегий определяется, прежде всего, эффективностью системы принятия решений на всех уровнях, а также степенью интериоризации ценностей и норм этики в общественной идеологии и психологии. Иными словами, эта эффективность зависит от ценностно-нормативной парадигмы, в соответствии с которой функционируют социальные институты общества, от уровня развития его гражданских институтов, а, следовательно, от степени влияния населения на процесс принятия жизненно важных решений.

В рамках обозначенного выше подхода нами в 1993-1997 гг. был проведен ряд эмпирических социологических исследований: репрезентативный выборочный социологический опрос населения всей Брянской области, часть которой, как известно, пострадала в результате аварии на Чернобыльской АЭС; репрезентативный опрос населения нескольких районов Владимирской области; репрезентативные опросы населения двух территориальных общностей, расположенных в непосредственной близости от предприятий, характеризующихся потенциальным технологическим риском. Во всех случаях опросы проводились по многоступенчатой случайной бесповоротной выборке. Фактически ошибка выборки варьировала от 3 до 4,7% при уровне вероятности 0,95 и дисперсии 0,25. Инструментарий опросов разрабатывался в соответствии с целями

задачами конкретных исследований. Для обеспечения сопоставимости результатов определенный блок вопросов включался в инструментарий каждого из перечисленных опросов. Ниже приводится структура операционализации тех основных понятий, относящихся к восприятию (оценке) и адаптации к социальной среде, в границах которых обеспечивался сопоставительный анализ данных различных исследований.

Восприятие (оценка) и адаптация к окружающей социальной среде:

- 1) *Социальное поведение*: ожидания от властных структур, установка на социальную активность, информированность, участие в реальных социальных действиях.
- 2) *Социальные ориентации и предпочтения*: уровень толерантности, установка на соблюдение демократических прав и свобод, ориентация на то или иное устройство общества, ощущение социальной защищенности.
- 3) *Личностные ориентации*: ориентация на различные стороны жизнедеятельности, удовлетворенность различными сторонами жизни, ценностные ориентации, отношения к религии.
- 4) *Самосохранительное и демографическое поведение*: здоровье, планирование семьи, миграция.
- 5) *Отношение к экологическим проблемам*.

Экологическое сознание и поведение

Рабочей гипотезой, на базе которой осуществлялся анализ результатов исследований, выступало предположение, что группы, различающиеся по своему отношению к экологической ситуации, по-разному воспринимают социальную среду, реализуют различные модели поведения и образа жизни. Задача соответствовала разведывательной, преимущественно эмпирической стратегии: выявить сходство и различие в восприятии респондентами социальной среды и способах адаптации к ней. Массив опрошенных ($N = 1105$) репрезентативного регионального исследования посредством осуществления процедуры кластерного анализа был подразделен на три категории.

Первую категорию составили лица, считающие экологическую ситуацию очень важной или важной для себя лично и готовые отдать часть своих личных сбережений в пользу охраны окружающей среды; назовем их "*экологистами*".

Вторую категорию составили лица, которые в силу тех или иных причин не могут четко определить свою позицию; назовем их "*неприсоединившимися*".

Третью категорию составили респонденты, для которых экологическая ситуация лично не важна и которые не согласны вкладывать свои личные сбережения в охрану окружающей среды; назовем их "*нонэкологистами*". Итак:

- экологистов - 71%;
- неприсоединившихся - 26%;
- нонэкологистов - 3%.

Группа нонэкологистов малочисленна, поэтому мы ограничимся некоторыми ее характеристиками. Углубленный анализ проведем для групп "экологистов" и "неприсоединившихся".

"Нонэкологисты" склонны пренебречь свободой слова, собраний, передвижений во имя благополучия. Но в то же время они менее склонны признавать существование таких интересов, общих для страны, ради которых можно было бы пожертвовать здоровьем или даже жизнью отдельных людей. Представители этой группы мало интересуются информацией о состоянии окружающей среды в регионе проживания, не активны в отношении защиты среды; однако чувствуют ее влияние на свой организм (но не на организм своих детей).

Есть две проблемы, которые одинаково сильно влияют на здоровье всех респондентов: радиационная обстановка на местности и загрязнение сельскохозяйственных земель удобрениями и ядохимикатами. Кроме того, характерны для всех трех групп отношение к общению с семьей, детьми и друзьями как к главной жизненной ценности, политическая толерантность и рефлексия выраженного безразличия власти к проблемам населения.

Анализ, далее, показал следующее. Уровень позитивных ожиданий от правительства, областной или районной власти выше у представителей группы "экологистов". Для "экологистов" более характерны установка на социальную активность, интерес к событиям в стране, использование телевидения и радио для получения информации о событиях, понимание социально-политической ситуации в России, приверженность демократическим правам и свободам личности.

Полностью согласны с утверждением, что "жизнь человека — высшая ценность, и никто не имеет права посягать на нее", - 73,8% "экологистов" и 64% "неприсоединившихся". Ориентированы на голосование как способ демократического волеизъявления 60,1; 45,0% респондентов каждой из групп соответственно.

Существенные различия наблюдаются между анализируемыми группами по ряду позиций, характеризующих личностные ориентации респондентов. В частности, нас интересовали установки респондентов в отношении следующих ценностей: самовыражение, ценность и свобода личности. Самовыражение - это ценность прежде всего "экологистов", затем "неприсоединившихся". Считают, что проблему защиты окружающей среды необходимо решать немедленно 93,7% "экологистов", 83,0% "неприсоединившихся"). "Экологи" отличаются большей практической проэкологической активностью (предпринимали конкретные шаги 32,5% "экологистов", 27,7% "неприсоединившихся"), а также активными протестами против строительства и работы экологически вредных производств (37,1; 21,1% соответственно).

Есть различия в ответах представителей анализируемых групп о потребности в информации о состоянии окружающей среды в местности, где они проживают. Отвечают, что такая информация им, безусловно, нужна, 65,9% "экологистов", 39,1% "неприсоединившихся".

Различий в источниках информации, которыми пользовались респонденты в период проведения исследований, не обнаружено (областные, городские и районные газеты, радио, телевидение, разговоры с родственниками, соседями, сослуживцами). Примерно треть респондентов в каждой группе доверяли этим источникам информации.

Респондентам предлагалось также высказаться по поводу экологических опасностей (рисков): влияют или не влияют они, и если да, то в какой степени, на их здоровье. Во всех случаях обнаружили существенные различия между ответами по позиции: "Такая проблема есть, и она сильно влияет на мое здоровье". Представители анализируемых групп достаточно остро чувствуют влияние окружающей среды на свой организм: 72,4 и 51,2% соответственно. Отметим, что окружающая среда очень сильно влияет на здоровье детей 49,9; 34,3% респондентов в каждой из групп соответственно. "Экологи" отмечали чаще, что их дети (внуки) болеют воспалением верхних дыхательных путей, ангиной, бронхитом, пневмонией. Известно, что медики считают эти болезни показателями экологического неблагополучия.

Анализ данных исследований показал, что группы, выделенные по признаку развитости установки на экологические ценности, имеют ряд существенных различий. Представители группы "экологистов" (наш особый интерес) имеют более высокий уровень позитивных ожиданий от правительства, областной и районной власти, а также готовы (по самооценкам) к практическим действиям, чтобы оказать влияние на события в стране. "Экологи" лучше разбираются в социально-политической ситуации в стране, более других привержены демократическим правам и свободам личности.

Материальный статус, опыт пережитой катастрофы и экологические установки

Пилотажные исследования на этапе разработки инструментария выявили, что экологически настроенными оказывались респонденты с уровнем материального благосостояния средним и выше. Мы проверили эту тенденцию применительно к совокупностям респондентов, проживающим в посткатастрофных и в "нормальных" условиях.

Использовался метод эмпирической типологии, одним из алгоритмов которого является процедура кластерного анализа (Quickcluster). Процедура была применена по отношению к признаковому пространству, представляющему, прежде всего, высказывания респондентов относительно уровня их материального благосостояния (сюда относятся как показатели наличия и давности покупки предметов длительного пользования и показатели абсолютного значения ежемесячного среднедушевого дохода респондентов, так и субъективные оценки собственного материального положения). В результате совокупность опрошенных была дифференцирована в зависимости от изменения уровня материального благосостояния за десятилетие, предшествовавшее опросу, следующим образом: респонденты, высокий уровень благосостояния которых понизился ("богатые", ставшие "бедными" - примерно треть всех опрошенных); респонденты, высокий уровень благосостояния которых не изменился ("богатые", оставшиеся "богатыми" - до 10% опрошенных); респонденты, высокий уровень благосостояния которых несколько снизился ("богатые" ставшие "средними" - 17% опрошенных); респонденты, низкий уровень благосостояния которых значительно повысился ("бедные", ставшие "богатыми" - 17% опрошенных); респонденты, низкий уровень благосостояния которых не изменился ("бедные", оставшиеся "бедными" - 13%); респонденты, низкий уровень благосостояния которых несколько повысился ("бедные", ставшие "средними" - 12% опрошенных).

Далее эта группировка была применена относительно двух экспериментальных и одной контрольной групп населения. Экспериментальными группами считались жители Брянской области, пострадавшей от экологической катастрофы в Чернобыле, а контрольной — население аналогичной по количеству и соотношению городского и сельского населения, структуре промышленности - Владимирской области. Из всего массива опрошенных в Брянской области формировались две подвыборки: три района, официально считающиеся пострадавшими от аварии на ЧАЭС, три района (сходных по описанным выше признакам), не пострадавшие от катастрофы. Во Владимирской области были случайно выбраны три района, сходные с брянскими по совокупности признаков. Наша задача состояла в поиске различий в экологических установках разных по уровню материального благосостояния, а также различающихся по признаку пережитой или не пережитой экологической катастрофы групп населения.

Неожиданным оказался тот факт, что во всех случаях очень важным для себя лично состояние окружающей среды считают жители Владимирской области, а не Брянской. Наше предположение о том, что в загрязненных районах обеспокоенность состоянием окружающей среды выше, чем в "чистых", оказалось верным лишь по отношению к группам респондентов, сохранившим высокий уровень благосостояния. В группах, улучшивших свое материальное положение и проживающих в загрязненных районах, обеспокоенность экологической ситуацией ниже, чем в идентичных группах в чистых районах. Одинаково невысокий уровень обеспокоенности экологическими проблемами демонстрирует группа с резко понизившимся уровнем благосостояния во всех подмассивах.

Сходная ситуация обнаружилась при анализе ответов на вопрос об уровне субъективного восприятия своей защищенности от экологических бедствий. Жители Владимирской области ощущают себя менее защищенными от экологических бедствий. Как и жители Брянской области, проживающие в "чистых" районах. Особенно рельефно (75 к 20%) это выявлено для категории респондентов, сохранивших низкий уровень благосостояния ("бедных", оставшихся "бедными"), хотя эта же категория, примерно

наоборот (25 к 60%), декларирует чистую и безопасную среду обитания как одну из самых важных жизненных ценностей.

По части деклараций анализируемые группы почти не отличались друг от друга: от 80 до 100% опрошенных в тех или иных группах считают, что экологические проблемы следует решать немедленно, и не желают соглашаться с тем, что развитие промышленности невозможно без вреда для окружающей среды. Чуть меньше, но все же значительное количество респондентов считает, что загрязнение окружающей среды угрожает самому существованию нашей страны, но отдать часть своих сбережений на дело защиты среды обитания согласны максимум 30% при среднем значении 12%.

В большей степени в информации о состоянии окружающей среды заинтересованы "разбогатевшие" во всех районах, намного меньше - "осредневшие бедные", особенно в "чистых" районах, и "богатые осредневшие". Уровень информированности о состоянии окружающей среды крайне низок у всех групп. Большинство респондентов декларировало заинтересованность в расширении своих экологических знаний, однако ничего для этого реально не сделало, за исключением, пожалуй, "разбогатевших бедных".

Никаких существенных различий в оценках влияния тех или иных экологических проблем на здоровье самих респондентов, на уровень заболеваемости их детей анализ не выявил. Несколько выше оценка у сохранивших или приобретших высокий уровень материального благосостояния. Мы проанализировали ответы респондентов по поводу их практических действий по уменьшению отрицательного воздействия окружающей среды на их организм. Пожалуй, и здесь в первую очередь "разбогатевшие" и "богатые" более внимательны к своему здоровью.

Примерно треть опрошенных во всех группах загрязненных районов Брянской области считала, что их личное поведение полностью природоохранительное, причем, чем выше был уровень материального благосостояния, тем оценки были выше. В "чистых" районах Брянской области эти показатели выше у респондентов, увеличивших свое благосостояние. К сожалению, лишь незначительное количество респондентов реально участвовало в конкретных действиях в защиту окружающей среды; это - "богатые" или "разбогатевшие". На вопрос о том, что могло бы заставить респондентов участвовать в подобных действиях, около трети из "богатых", ставших "средняками", и столько же "обедневших богатых" из Брянской области и 50% "разбогатевших бедняков" из чистых районов Брянской области ответили - ничто, т.к. они не активные люди.

Дополнительные исследовательские процедуры позволили зафиксировать следующее. Для респондентов с высоким или средним достатком стимулом к активным действиям могло бы послужить ухудшение их здоровья и здоровья близких, а также гибель людей в результате резкого ухудшения состояния природы. Для респондентов с низким достатком такими стимулами в первую очередь могли бы послужить такие факторы, как ухудшение их здоровья и углубление продовольственного кризиса. Те, кто проживает на загрязненных территориях, реальным стимулом к активным природоохранительным действиям считают, прежде всего, ухудшение здоровья, а те, кто проживает на чистых территориях, преимущественно отвечают, что ничто не смогло бы послужить таким стимулом, т.к. они не активные люди, либо отмечают в качестве такого стимула массовую гибель людей в результате экологической катастрофы.

Мы попытались выявить уровень субъективного восприятия риска представителями анализируемых групп. В анкете респондентам был предложен перечень возможных ситуаций риска (см. ниже), относительно которых следовало выбрать одну из трех позиций ("возможно", "мало вероятно", "совсем невозможно"): 1) авиакатастрофа; 2) автомобильная катастрофа; 3) железнодорожная катастрофа; 4) авария на общественном транспорте; 5) инфекционное заболевание (желтуха, брюшной тиф, холера); 6) радиационное облучение; 7) отравление вредными веществами в продуктах питания; 8) воздействие вредных веществ, содержащихся в стройматериалах (радиоактивный гравий в блочных домах, ядовитые смолы в деревянных и т.п.); 9) отравление вредны-

ми веществами, которые промышленные предприятия выбрасывают в атмосферу, спускают в почву и водоемы; 10) вред от неправильного диагноза и лечения.

При анализе ответов выбиралась только позиция "возможно"; нами принимались во внимание ситуации риска, по которым высказались положительно 60 и более процентов респондентов в каждой группе.

Анализ показал, что существует группа, которая почти по всем ситуациям риска дает субъективно очень высокие оценки; иными словами, респонденты из этой группы ощущают повышенную рискогенность своей жизненной ситуации. Эта группа - "бедные, оставшиеся бедными". Во всех случаях владимирцы оценивают потенциальный риск выше, чем брянцы: для брянцев нет каких-то особенных ситуаций, которые дифференцировали бы "грязные" и "чистые" районы. Не оказалось также специфических рискогенных ситуаций для групп, различающихся по материальному достатку. Две ситуации риска отмечаются всеми (или почти всеми) группами: 7-я и 10-я. Что касается радиационного облучения, то одна из групп, а именно "богатые, ставшие бедными", не относит его к ситуации повышенного риска, причем в обеих областях.

Произведенный анализ позволяет констатировать, что факт пережитой или переживаемой экологической катастрофы незначительно влияет на экологические установки респондентов. Обеспокоенность экологической обстановкой в большей степени зависит от материального положения респондентов; она тем выше, чем выше уровень материального положения респондентов. Уровень оценки степени защищенности от экологического бедствия ниже у тех респондентов, которые проживают на территориях, не подвергшихся воздействию катастрофы. Оценка этой защищенности ниже у респондентов с низким уровнем достатка.

При очень высоком уровне декларируемой значимости экологических проблем они не интериоризированы на уровне личностного и группового сознания. Однако, чем выше уровень материального благосостояния, тем выше уровень личностной значимости состояния окружающей среды и реальной активности, направленной на ее улучшение. Приходится признать, что экологические проблемы - достояние общественной идеологии, но не общественной психологии и реальной социальной практики индивидов и групп.

Технологический риск, его восприятие и отражение в субкультуре территориальной общности

В связи с необходимостью учета технологического риска одну из ключевых современных проблем составляют неадекватность типичных и недостаточная разработанность специфических социальных механизмов предотвращения технологических аварий и управления посткатастрофными социальными процессами, что обусловлено расчлененностью процесса принятия решений, отсутствием системного подхода, игнорированием социальных факторов, влияющих на технологическое развитие и эксплуатацию сложных технологических систем. Одно из направлений исследований в этой области - изучение моделей образа жизни социальных общностей, проживающих в непосредственной близости от предприятий, характеризующихся потенциально высоким технологическим риском. Представляется вероятным наличие специфических особенностей в массовом сознании подобных общностей, восприятии риска, т.е. некоторой субкультуры риска, детерминирующей формирование специфической солидарности.

В режиме пилотажа нами был проведен репрезентативный опрос населения санитарно-защитной зоны вокруг крупного химического предприятия юга России. Контрольная группа формировалась из опрошенных в том же районе, но далеко за пределами зоны.

Анализ полученных данных исследования подтвердил гипотезу. В частности, характерными чертами подобной субкультуры являются повышенная тревожность населения по поводу своего здоровья и здоровья детей, высокий уровень заинтересованности в информации о состоянии окружающей среды, превалирование ценностей материального благополучия над ценностями демократических прав и свобод, преимущественная ориентация на авторитарные способы принятия решений на региональном и государственном уровне при высокой степени готовности принять участие в массовых выступлениях протеста. Разумеется, эти выводы справедливы только для исследования, проведенного методом "case study".

Субкультура риска в рассматриваемых социальных общностях в значительной степени формируется под воздействием такого фактора, как отчужденность людей от процесса принятия жизненно важных решений, и не обеспечивает адекватный уровень защищенности социокультурной среды в силу низкой "экологичности" как сознания, так и поведения социальной общности. Это, на наш взгляд, связано с тем, что поселенческая общность (общность среды обитания) не осознается и не реализуется индивидами как социально-территориальная солидарность [4, с. 35-53], целостность которой создается и воспроизводится через социальные связи, реализуемые на личном, семейном, институциональном уровне развития социокультурной среды.

Некоторые выводы

Выделенная в ходе типологизации группа с устойчивыми установками на экологические ценности имеет ряд существенных социальных отличий: высокий уровень ожиданий от власти, готовность (субъективную) к практическим действиям. "Экологи" больше других интересуются социально-политической ситуацией в стране, более привержены демократическим свободам.

Анализ уровня развития экологической компоненты сознания показал, что материальное положение респондентов в большей степени влияет на их экологические взгляды и степень интериоризации проблем экологии, нежели опыт пережитой (переживаемой) катастрофы. Техногенная катастрофа или ее угроза ассоциируется населением с деятельностью недоступной и развивающейся по своим собственным законам системы государственного или местного управления и актуализирует не самосохранительные и природоохранные установки, а требования к этой системе. Видимо, это определяется фактом отчужденности населения от процесса принятия решений по поводу размещения и функционирования объектов, характеризующихся повышенным технологическим риском, в непосредственной близости от мест проживания людей.

Процессы экологического самоопределения и саморегулирования общностей практически неразвиты. Даже у "экологов" установка на экологические ценности оказывается декларативной, почти никак не трансформируясь в проэкологическую активность. Поселенческая общность, как социовидентификационная группа, не осознается и не реализуется в социальных связях даже в зонах экологического бедствия; потребность в самоопределении, по-видимому, будет актуализироваться по мере нарастания противоречия между экономическими и экологическими интересами конкретных регионов.

Гармония человека и природы - важнейшая ценность развитого гражданского общества, основным признаком которого, на наш взгляд, является разнообразие субъект-субъектных отношений. Распространение этики экологически устойчивого экономического развития общества и экологизация образа жизни обусловлены, как представляется, становлением их, на данный момент, отсутствующих или слабо проявляющих себя субъектов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

¹ Our Common Future. World Commission on Environment and Development. Oxford, N.Y.: Oxford Univ. Press, 1987.

2. Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию // Зеленый мир. 1996. № 2.
3. Программа действий. Повестка дня на XXI век и другие документы Конференции в Рио-де-Жанейро. Публикация Центра "За наше общее будущее" / Сост. М. Китинг. Женева, 1993.
4. Ядов В А. Социальная идентификация в кризисном обществе // Социологический журнал. 1994. № 1.